
ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 811.161.1

ТИПЫ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ

TYPES OF INFORMATIONAL SOURCES IN THE CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE AND THE ISSUES OF THEIR TRUSTWORTHINESS

А.В. Белоедова
A.V. Beloedova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: beloedova@bsu.edu.ru

Аннотация. Современная медийная практика обострила проблему надежности информации и обусловила необходимость теоретического исследования типов источников информации с позиции их достоверности. Категория эвиденциальности, в рамках которой изучаются способы получения информации, означает отношение говорящего к источнику сообщения. В основе этой категории находится личный опыт говорящего, его логические рассуждения и цитирование полученной информации. Наша статья обращена к анализу сложной цепочки отсылок к первоисточникам, которые активно используются российскими СМИ. Особое внимание уделяется языковым показателям, с помощью которых в журналистские медиатексты вводится чужая речь.

Abstract. The actual media practice has dressed the issue of validity of information and the need for theoretical research of the types of informational sources from the point of their trustworthiness. The category of evidentiality which frames the research of the means for getting of information, indicates the attitude of the speaker to the source of information. This category is based on the speaker's individual experience, its logical reasonings and quotations of the received information. The paper discusses the complex chain of references to informational origins which are widely used by Russian media. The special attention is paid at the linguistic indicators by which the speech is used in journalistic media texts.

Ключевые слова: эвиденциальность, достоверность, медиадискурс, медиатекст, типы источников информации.

Key words: evidentiality, trustworthiness, media discourse, media text, types of informational sources.

Введение

Понятие достоверности информации имеет прямое отношение к ответственности журналиста как источника или посредника сообщаемых сведений перед своей аудиторией. Достоверность излагаемых в журналистских медиатекстах фактов соотносится с эпистемической квалификацией информации, то есть с оценкой того, каким образом она была получена и может ли претендовать на истинность. Следовательно, категория достоверности пересекается с понятием эвиденциальности, служащим для указания на источник получения информации говорящим, а точнее – для обозначения «пути доступа к сообщаемой информации» [Падучева 2014, http; см. работы Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, Н.А. Козинцевой, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгян, В.А. Храковского, А.Д. Шмелева, Т.В. Шмелевой и др.; L. Anderson, F. Palmer, Th. Willet и др.]. Наряду с термином «эвиденциальность» используется также другие названия – «авторизация», «засвидетельствованность», «пересказывательность».

Основная часть

Для носителей русского языка этот тип субъективно-модальных значений может показаться непривычным, так как говорящие по-русски указывают на источник сведений только в том случае, если эта информация представляется им необходимой [15, с. 302]. Главными показателями эвиденциальности в русском языке считаются лексемы, репрезентирующие чужую речь: *говорят, слышать, слышно, кажется, как будто, вроде, якобы, дескать, мол, де* и др. Информация же, принадлежащая автору, может включать в себя указания на собственные наблюдения говорящего (я видел, я слышал), его умственную деятельность, жизненный опыт (я писал, я догадался, помню и т. п.). Ср.: *На моих глазах за одного из избитых вступился его товарищ, пытаюсь объяснить хулиганам, что избитый – сам немец; Первая серьезная драка в марселе случилась в ночь с 9 на 10 июня. Она началась у меня на глазах; Некоторые англичане рассказали мне потом, что драка началась из-за того, что на них «прыгнули» местные фанаты. Но я этого не видел. Казалось, что все вспыхнуло спонтанно* (Из репортажей Романа Анина, рассказывающих о стычках футбольных фанатов на Евро-2016. Новая газета, 12.06.2016).

Несмотря на различные подходы к истолкованию эвиденциальности, ее границ и средств выражения, общепризнанным является понимание того, что в основе этой категории находится личный опыт говорящего, личное свидетельствование или цитирование полученной информации. Учет способа получения информации позволяет ученым выделить следующие типы эвиденциальности:

- прямое свидетельство (attested evidence), или прямая непосредственная эвиденциальность, при которой источником информации является сам говорящий, получающий сведения с помощью зрения, слуха, осязания или всех чувств сразу («Я вижу/слышу, как...»);

- косвенное свидетельство (inferring evidence), или косвенная непосредственная эвиденциальность, при которой говорящий, не являясь свидетелем, восстанавливает ситуацию путем логического рассуждения или построения гипотез, основанных на личном знании мира («Я думаю, что...»);

- косвенное свидетельство (reported evidence), или косвенная опосредованная эвиденциальность, при которой информация получена «из вторых рук» (иначе – цитатив, пересказывательность) («Он сказал мне, что...») [Willet 1988: 57; Золотова и др. 1998: 75; Козинцева 1994: 92; Плунгян 2003: 322].

Эвиденциальность и достоверность тесно связаны между собой, поскольку любой тип информации может оцениваться с позиции ее достоверности/недостоверности. Так, недостоверность источника информации может возникнуть в результате ошибочного восприятия или в связи с ненадежностью источника, сомнительности информации, полученной из вторых, третьих и даже четвертых рук. Вследствие такой близости значения эвиденциальности могут включаться в состав категории достоверности (например: [25, с. 8]). Вместе с тем указание на источник сведений говорящего не обязательно содержит в себе информацию об уровне достоверности информации, и, как замечает Е.В. Падучева, «эвиденциальность сама по себе не подразумевает недостоверности» [13]. Поэтому более признанной считается точка зрения, согласно которой эвиденциальность и достоверность представляют собой разные квалификативные модусы, при этом один и тот же источник может оцениваться как достоверный или недостоверный разными говорящими и слушающими [9]. Однако верно и то, что данные модусные значения, теснейшим образом переплетаясь, могут быть репрезентированы одними и теми же языковыми средствами.

В данной статье мы сосредоточимся на тех знаках косвенной опосредованной эвиденциальности («информация из вторых рук»), которые частотны и наиболее востребованы в медийной речи. Журналистские медиатексты относят к полифоническим текстам, для которых доминантным является постоянное взаимодействие «своего» и «чужого» слова. Именно в медиасфере активизируются словесные перепалки, полемика, споры о мнениях и нравственных позициях тех или иных социальных групп, личностей и пр. [1, с. 668]. Косвенная опосредованная информация присутствует в текстах СМИ в виде ссылок на государственные структуры, официальные органы и представительства, мнения и оценки социальных групп и отдельных лиц и т. д., что свидетельствует, по словам Т.В. Шмелевой, об отработанной технике «включения чужого голоса, которое делает авторское начало менее или более сложным» [23]. Точное указание на источник сведений формирует объективность, достоверность, верифицируемость журналистской информации и повышает доверие к ней со стороны аудитории.

Источником информации может быть субъект, т. е. конкретное / обобщенное / неопределенное лицо и/или канал коммуникации. Например: *Бах* <прим. Томас Бах, глава МОК> *сказал, что он не отвечает за форс-мажор, устроенный в канун Олимпиады - 2016. Всемирное антидопинговое агентство заявило, что сроки зависели от результатов расследований по поводу злоупотреблений* (Новая газета, 03.08.2016);

Двукратный серебряный призер Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в плавании брассом россиянка **Юлия Ефимова заявила**, что не держит зла на американских пловцов, которые негативно высказывались в её адрес (Московский комсомолец, 16.08.2016); **Зафиксировано рекордное число туристов, одновременно летом город столько курортников еще не принимал. Официальный номерной фонд полностью заполнен, – рассказал мэр столицы Игр-2014 Анатолий Пахомов** (Российская газета, 10.08.2016).

Наличие в медиатекстах ссылок на конкретные источники снимает с автора необходимость каким-то особым образом доказывать достоверность высказывания. Другой вопрос, что цитирование ньюсмейкеров может быть некорректным: «Воспроизведение цитат из высказываний должностных лиц и других источников информации должно быть точным и полным, исключая искажения смысла высказывания. Цитаты должны воспроизводиться в верно представленном контексте» [Короченский 2009: <http:///>]. Журналисты не всегда соблюдают этические рекомендации, произвольно изменяя смысловой контекст или приводя неточную / неполную / искаженную цитату. Примером может служить фраза премьер-министра Дмитрия Медведева, произнесенная им на встрече с жителями Крыма во время его официального визита в Феодосию 23 мая 2016 г. На жалобу о низких пенсиях, премьер заявил, что *«индексации «нигде нет». «Просто денег нет. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья»*, – добавил тогда глава правительства» (РБК, 07.06.2016).

Данная цитата употреблялась в СМИ как в полном виде, так и в виде краткого выражения «денег нет, но вы держитесь», ставшего крылатым. Например: *В конце мая внимание пользователей соцсетей и СМИ привлекла беседа Дмитрия Медведева с жителями Крыма. В ходе диалога на тему пенсий местная жительница спросила, когда ждать индексаций выплат. Премьер ответил, что в бюджете страны денег нет и посоветовал жителям полуострова держаться. «Просто денег нет. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья»*, – сказал он (Новая газета, 10.08.2016); *Премьеру тут же припомнили другую его знаменитую фразу про «денег нет, но вы держитесь»*, с которой политик обратился к крымским пенсионерам (Московский комсомолец, 10.08.2016); **Денег нет... Но вы держитесь!** «Фарме-2020» урезали финансирование. Постановление, суть которого можно обозначить одной крылатой фразой премьер-министра Дмитрия Медведева, было подписано им же в июне (Аргументы и факты, 29.07.2016); *В Улан-Удэ испекли чудо-пряники, вкусные и ароматные, да еще и с надписью – «Денег нет. Но вы держитесь!»*. Надо ли напоминать, что автор известной фразы премьер-министр Дмитрий Медведев? Да, «бросил» он ее в Крыму во время встречи с пенсионерами (Комсомольская правда, 23.06.2016). Фраза Дмитрия Медведева, обросшая шлейфом эмоциональных коннотаций, стала использоваться в СМИ как прецедентный текст, как «мем» для оценки сложных ситуаций, из которых власть не может найти решение. Ср.: **Денег нет, но вы учитесь**. Почему российский гражданам не нравится, что государство им плохо помогает, но они все равно на него надеются (Ведомости, 05.08.2016); **Лечения нет, но вы держитесь!** Почему медицина становится недоступной? Причин может быть две: недоработка, сбой в системе и недофинансирование (Аргументы и факты, 30.07.2016).

Если журналисту надо обосновать достоверность информации, но при этом сохранить конфиденциальность самого источника или канала, по которым получена информация, то «на первый план выдвигается не субъект речи, а результат его речевой активности» [Золотова и др. 1998: 290]. Проиллюстрируем речевые приемы, которыми пользуются журналисты: **По версии следствия**, осенью 2015 года подозреваемому перепала крупная денежная сумма за помощь одному из призывников уклониться от армии (Новая газета, 15.08.2016); **По предварительной информации**, самоубийство произошло из-за долговременной невыплаты заработной платы на протяжении последних 6 месяцев. **По информации, которую нам удалось получить** от членов кооператива, мужчине задолжали уже более 150-200 тысяч рублей (Московский комсомолец, 09.01.2015); Тем не менее, **источники издания на условиях анонимности признали** факт того, что иранские переговорщики «хотели бы получить что-то материальное», освобождая заложников. И этим «материальным» были наличные средства (Российская газета, 03.08.2016); **Знакомый человека, занимающегося приватизацией, подтвердил «Ведомостям» информацию «Интерфакса»** (Ведомости, 04.08.2016); *В региональных центрах МЧС не верят, что этот год им удастся закончить без долгов перед личным составом – средства взять неоткуда. Одновременно растут долги перед коммунальными службами. «Идут суды, нам блокируют счета»*, – **подтвердили «Новой» на условиях анонимности в одном из региональных центров** (Новая газета, 01.06.2016). По нашим наблюдениям, такой способ предъявления информации используют СМИ различных форматов и достаточно часто. Однако может ли претендовать такая информация на достоверность и объективность? Согласно

деонтологическим постулатам, «журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен» («Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России», принят в 1994 г.). Таким образом, если журналист убежден в том, что источник надежен, но по объективным причинам желает остаться анонимным, автор текста имеет право включить такую информацию в свой материал. Более того, ФЗ РФ «О СМИ» в ст. 49.3 говорит следующее: «Журналист обязан сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника» [ФЗ «О СМИ»: <http://>]. Сохранение анонимности источника, который предоставил информацию на условиях конфиденциальности, в деонтологическом плане составляет профессиональную тайну, и принудить к ее нарушению и раскрытию источника никто не может. В кодексах профессиональной этики российского журналиста оговорен ряд исключительных случаев, когда анонимность источника может быть нарушена: 1) когда имеется подозрение, что источник искажил истину; 2) когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба людям.

Зачастую об анонимности просят те, кто сообщает действительно социально важную информацию, которую хотели бы скрыть органы власти или другие властные структуры, например: *Повесившийся пилот прошёл освидетельствование во врачебной лётно-экспертной комиссии (ВЛЭК), и был признан годным к лётной работе в качестве пилота, – сообщил источник, пожелавший быть неназванным* («Пилот российской авиакомпания повесился после потери работы». Московский комсомолец, 04.02.2015); *«Лайф» со ссылкой на анонимный источник утверждает, что из-за ошибки пришлось раздать восемь памятных медалей, которые отдельно заказал для себя один из тренеров клуба* (Медуза, 25.07.2016); *Среди возможных кандидатов на его место – замминистра экономического развития Игорь Рева и руководитель департамента имущественных отношений Минобороны Дмитрий Куракин. Об этом рассказывают три федеральных чиновника* (Ведомости, 02.08.2016). Также конфиденциальными остаются источники, информация которых может повлечь угрозу их жизни и здоровью, например: *Как пояснил чиновник, пожелавший остаться неизвестным, участникам тренинга предоставляется информация о действующих сегодня экстремистских группировках, например об «Исламском государстве», и применяемых боевиками способах вербовки* (Лента.ру, 08.07.2016).

Ссылка на анонимный источник может использоваться журналистами, чтобы ввести в поле общественного обсуждения сенсационные и спорные мнения и суждения, которые нельзя считать в полном смысле достоверными и объективными. Ср.: *Прежде всего поэтому и не кажутся достоверными слова «анонимного источника» в МЧС, которые с подачи FlashSiberia пошли гулять по СМИ: «Есть задача – не допустить прошлых пожаров. Вот их и отправили, хотя экипаж сопротивлялся, говорил, что видимость никакая. Но руководство посчитало иначе и заставило парней лететь»* (Из материала Алексея Тарасова о причинах гибели спасателей-членов экипажа Ил-76 при тушении лесного пожара в Иркутской области. Новая газета, 05.07.2016).

В русском языке с категорией эвиденциальности (в узком понимании) обычно соотносят специфическое употребление частиц *мол*, *де*, *дескать*, которые информируют о том, что автор пересказывает чьи-то данные или мнения: *Брат Панова предполагает, что Евгения похитили с территории Украины. Дескать, Евгений – человек достаточно грамотный, понимает, что с новехоньким удостоверением УБД («участник боевых действий») появиться в российском Крыму было бы подобно самоубийству* (Московский комсомолец, 12.08.2016); *После 12 предварительных заездов 19-летняя виндсерфер <прим. Стефания Елфутина> делила первое место с итальянкой Тарталини. Итальянец пожал плечами: мол, она совсем молодая и не факт, что справится с давлением в решающей медальной гонке* (Российская газета, 15.08.2016); *Французы, правда, уверяют, будто выкупили права на слово «Простоквашино» у автора – Эдуарда Успенского. Информировуют, что инвестиции их в российскую экономику составляют \$2 млрд, что у них де 18 предприятий на территории России* (Ведомости, 21.06.2016). Н.Д. Арутюнова называет эти лексемы ксенопоказателями, т.е. «знаками чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 2000: 437]. Эти частицы указывают на границу между «своей» и «чужой» речью, они как бы «маскируют квазипрямую речь» [Булыгина, Шмелев 1997: 304].

Чужая речь может обозначаться лексемами типа *вроде*, *кажется*, *как будто*, *якобы*, *как говорят*, *по слухам*, *за что купил...*, *слыхать*, *слышно* и др., содержащими в своей семантике компонент неуверенности говорящего в достоверности информации, полученной от других лиц. Используя эти маркеры, говорящий/пишущий ставит целью сообщить адресату, что автор не является очевидцем события и что он не вполне убежден в достоверности предлагаемой информации. Тем самым говорящий как бы снимает с себя ответственность за сообщаемое [Плунгян 2003: 302; Шмелева <http://>]. Отметим, что традиционно эти маркеры относят к

показателям достоверности информации (например, [Беляева 1990]). В работе [Булыгина, Шмелев 1997: 298-304] лексемы *кажется, как будто, вроде, говорят* включены в пространство эвиденциальности. По наблюдениям авторов, указанные лексемы используются тогда, когда говорящий «располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел» или «опирается на информацию, полученную от других лиц», хотя не вполне убежден в ее достоверности. Например: *99 процентов граждан имеют весьма смутное представление, что это такое: администрация Президента России. Ну вроде бы и что-то привычное, на слуху, но чем именно в точности, в конкретности она занимается – знают немногие* (Новая газета, 15.08.2016); **Журналисты намекают на манипуляции с пробами на допинг единственной российской легкоатлетки, допущенной до Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро** (Московский комсомолец, 15.08.2016); – *А землю здесь взяли бы? – Землю? – Ну да. Про бесплатный гектар слышали? – Кое-что, краем уха* (Российская газета, 24.02.2015).

Иногда журналист выстраивает свой материал на основе слухов и их опровержения или подтверждения. Примером может послужить материал колумниста Кирилла Мартынова «Проблемы слухократии», в котором он резюмирует все слухи, которые ходили в СМИ в августе 2016 г.: 1) возможные досрочные президентские выборы; 2) причины громких судебных дел против российских чиновников и их отставок; 3) усугубление экономического кризиса и обесценивание российского рубля; 4) обострение отношений с Украиной. Такое обилие слухов колумнист объясняет так:

Слухи как потенциально наиболее ценный источник информации возникают в закрытом обществе, где нет свободных медиа, а правительство выведено из-под общественного контроля и подотчетно только одному человеку. С одной стороны, мы уже жили в развитой слухократии при позднем СССР и знаем, чем подобные истории могут кончаться, если вдруг прорвет. С другой – наша ситуация уникальна. Границы все еще открыты, есть возможность читать любые западные сайты. Но тот же интернет оказывается плодотворной средой для распространения домыслов, он населен троллями и ботами. Госпропаганда и вовсе приучила за последние годы к мысли, что любое слово, сказанное ею, лживо по определению. Так Россия становится пространством, на котором безраздельную власть получают слухи (Новая газета, 15.08.2016).

Эти языковые средства манифестируют, по сути, нерасчлененность модальных значений достоверности и эвиденциальности. Такую же семантическую близость демонстрируют вводные слова *по-моему, по-нашему, на мой взгляд*, которые не столько указывают на источник сообщения, т.е. говорящего, сколько предлагают его неуверенную оценку, при этом субъект речи не настаивает на своей позиции. Подобные обороты, отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, «никогда не используются при ссылке на информацию, полученную «из вторых рук», а употребляются при ссылке на информацию чаще всего при выражении неуверенной оценки» [Булыгина, Шмелев 1997: 300]. Например: **На мой взгляд, здесь и обсуждать нечего. Ясно, что с такими скоростями, когда ракеты будут иметь возможность летать в атмосфере со скоростью в 7–12 раз превышающей скорость звука, все системы защиты от них достаточно ослабеют** (Лента.ру, 17.08.2016); *Где наши спортивные тренеры? У нас 14 спортивных высших учебных заведений. В одном только бобслее, по-моему, семь иностранцев работает* (Аргументы и факты, 21.07.2016); **Мое сузубо личное мнение, что никогда стрельба не мешала вопросу обмена пленными, это вопрос совершенно другого характера. Удастся нам договориться или нет, я в этом не уверена** (РИА Новости, 21.07.2016).

В толковых словарях *якобы* (союз и частица) имеет значение недостоверности или ложности сообщаемого: *Во всемирной паутине обнаружился двойник сайта Минздрава России. Его создали мошенники, чтобы продавать неизвестный препарат от паразитов. Ссылкой на это чудо-лекарство заканчивается статья, где якобы главный инфекционист страны рассказывает о том, что Карелия – лидер по заражению населения паразитами* (Московский комсомолец, 16.08.2016); *По версии следствия, в 2012-2013 годах обвиняемые требовали от директора компании «Радострой» 18 млн рублей за выполнение строительных работ по муниципальному контракту. В случае отказа дать взятку Урлашов с заместителями якобы угрожали не выплатить предпринимателю деньги за выполнение следующего контракта* (Новая газета, 15.08.2016); *В волгоградскую полицию поступило сообщение о взрывчатке, якобы заложеной в городском торговом центре «Гурман»* (Российская газета, 13.08.2016); *Ректор Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) МИФИ Михаил Стриханов назвал сообщения о якобы взрыве реактора на территории учреждения провокацией* (Лента.ру, 20.08.2016).

Наряду со свернутыми ксенопоказателями (*мол, де, дескать*), журналисты активно вводят в тексты авторизованные конструкции, с детализацией как персон, так и организаций. Частотными в журналистских текстах оказываются специальные конструкции как *сообщил нашему корреспонденту советник президента, по заявлению официального представителя, по*

словам очевидцев и др. Например: **Как рассказывали очевидцы, автомобиль успел проехать два километра со скоростью 60–70 км/ч** (Новая газета, 16.07.2016); **Но собеседники корреспондента «Российской газеты» в спецслужбах и правоохранительных органах считают, что могут появиться ужесточения в правилах регистрации короткоствольного оружия. Более того, уже не раз звучали и предложения вообще запретить так называемую травматiku** (Российская газета, 15.08.2016); **При крушении вертолета Ми-2 в Краснодарском крае 7 августа погибли два человека. Об этом заявил официальный представитель Южного следственного управления на транспорте СК РФ Сергей Бойко** (Медуза, 07.08.2016).

Для медийной речи характерны высказывания с усложненной модусной рамкой, расширяющейся за счет использования нескольких субъектов в качестве источников информации. Например: **Международная федерация футбола (ФИФА) выразила полное неприятие проявлений насилия в ходе чемпионата Европы во Франции, сообщает Интерфакс со ссылкой на сообщение Федерации** (Новая газета, 12.06.2016); **Как сообщает ВВС, представитель ЮНИСЕФ в Сирии Ханаа Сингер предупреждает, что ситуация в блокированных районах города создает серьезный риск для оставшихся там детей, и требует немедленно восстановить водоснабжение** (Ведомости, 09.08.2016); **Два эксперта по правам человека ООН призвали президента Филиппин Родриго Дутерте прекратить массовые убийства, связанные с масштабной кампанией по борьбе с наркотиками, передает Reuters** (РБК, 21.08.2016). Иногда весь материал может быть построен на пересказе и компиляции высказываний из различных источников (дайджесты, обзоры СМИ, обзоры). Ср.: **Власти Турции опровергли информацию о взрыве в центре Анкары, передает Sky News Arabia. По словам неназванного чиновника, в одной из квартир произошел пожар. Однако он отказался рассказать подробности и назвать причину пожара. Одновременно турецкая газета Hürriyet подтверждает, что СМИ начали распространять в соцсетях слухи о взрыве после того, как очевидцы опубликовали фотографии клубов дыма, поднимающихся над местом происшествия. Как передает специальный корреспондент «Новой газеты», пожар произошел в бедном районе Анкары, где находятся трущобы. Ранее Sky News сообщил о мощном взрыве, прогремевшем в столице Турции («В Турции опровергли информацию о взрыве».** Новая газета, 19.07.2016).

В ходе такой неоднократной пересказываемости выстраивается сложная цепочка отсылок, и читателю бывает непросто отследить первоисточник высказывания. В этом случае на первый план выходит такая категория, как «авторитетность»² источников информации, известных плюрализмом мнений и оценок, которым можно доверять. Сама диалогичность коммуникации, ее включенность в деятельность человека влечет за собой необходимость разделения ролей акторов по степени их влияния на эту деятельность. Авторитетный источник в журналистике – это источник, заслуживающий безусловного доверия. Среди основных маркеров авторитетности источника в политическом дискурсе, который близок медиадискурсу и с ним пересекается, В.Б. Кашкин выделяет (1) прямые, или статусные маркеры, к которым относит имена и титулы, и (2) косвенные – цитирование лидеров общественного мнения [Кашкин 2007: 15]. Ср.: (1) **Глава Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) Себастьян Коу заявил, что необходимо вернуть российских спортсменов на международные соревнования. Об этом в воскресенье, 21 августа, сообщает РИА Новости»** (Лента.ру, 21.06.2016); (2) **Стоимость строительства стадиона футбольного клуба ЦСКА составила 350 миллионов долларов. Об этом в субботу, 20 августа, сообщил президент ЦСКА Евгений Гинер. Его слова приводит ТАСС** (Лента.ру, 20.06.2016).

Традиционным объектом цитирования в массмедиа являются не только политики, деятели культуры, спортсмены, но сами СМИ. На уровень цитирования одних изданий другими влияет категория авторитетности. Чаще всего российские СМИ цитируют различные отечественные и зарубежные информационные агентства: Reuters, РИА Новости, Интерфакс, ТАСС, УНИАН и др., а также разнообразные печатные и интернет-издания. Стоит отметить, что в поле цитируемости попадают только те издания, которые можно отнести к «качественной» прессе. Такие издания при описании политических, экономических, культурных событий стремятся дать им объективную оценку.

² Под авторитетностью в Словаре русского языка понимается: «1. Общеизвестное значение, влияние, общее уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием [Ожегов 1990: 25]. Е.В. Темнева под авторитетом понимает ним «культурное понятие, под которым имеется в виду форма осуществления власти, общеизвестный ориентир (член группы, мнения и высказывания которого являются общепризнанными, или популярная тема), который существует среди членов микросоциальной группы и который является эталоном для подражания» [Темнева 2010: 248-249]. В теории журналистики понятие авторитета часто связывают с риторическим приемом аргументации и убеждения читателей путем ссылки на известную медиаличность.

Однако ссылка на источник информации не всегда означает ее достоверность, особенно тогда, когда источником выступает фейк. Фейк (от англ. *fake* - «подделка, фальшивка») – это остроактуальное в мире современных медиа понятие. В журналистике эксперт – лицо значимое, авторитетное мнение которого повышает доверие к изданию или публикации. Но есть случаи, когда и эксперт может оказаться фейком. Примером такого «липового» эксперта может служить британский спортивный журналист Саймон Раунтри, твиттер которого стал источником новостей для некоторых британских и многих российских СМИ. В своем твиттере он якобы описывал нюансы агрессивного поведения английских фанатов во время и после матча сборных России и Англии:

На его твиты в своих новостях ссылаются RT, «Чемпионат.com», РИА «Новости», «Аргументы и факты», «Лента.ру», «Взгляд», «Комсомольская правда» и другие СМИ (Медуза, 15.06.2016). Или еще один пример: Чаще всего в роли экспертов выступают политические фрики и скандальные личности. Например, о секретном плане «Белуга», организованном западными спецслужбами для подрыва авторитета Путина и всей России, сообщил «известный французский эксперт по вопросам безопасности» и «шеф контрразведки правительства Франции» Поль Барриль. На деле же он офицер национальной жандармерии и член антитеррористической бригады, участник событий в Руанде (после которых обвинялся в участии в геноциде), вербовщик наемников для поддержки африканского диктатора Мобуту, не раз оказывавшийся в центре скандалов, связанных с заказными убийствами, вымогательством и клеветой (Газета.ру, 16.04.2016).

Фейк считают жанром, формой, способом предъявления информации, «имитирующей сообщение о факте, которого на самом деле не было» [Позник 2014: <http://>]. Часто на сфабрикованные события и сюжеты «покупается» большое количество СМИ, которые все чаще ищут новостные поводы в Интернете. Ср.: **Австралийская компания Woolshed Company из города Мельбурн призналась в подделке и публикации вирусных видеороликов на YouTube <...> Сфабрикованные видеозаписи за два года успели «засветиться» в новостных выпусках практически каждой телевизионной сети в Австралии. О них также сообщали такие крупные издания, как Mirror, Sun, The Telegraph и The Guardian (Лента.ру, 14.07.2016).** Фейк можно считать разновидностью современной «газетной утки». Впервые такой способ предъявления информации начало использовать американское агентство сатирических новостей «Онион» (*The Onion*), которое с 1998 г. выпускает собственный сайт и газету тиражом 400 тыс. экземпляров. Это СМИ не только комментирует и освещает реальные события, но и вымышленные, что не мешает ему иметь многомиллионную аудиторию [Фабрика газетных «уток»: <http://>].

Аналогичные издания существуют и других странах. Например, в России в январе 2012 г. появилось РИА FogNews (букв. «туманные новости»), которое само себя называло «агентством придуманных новостей». В разное время придуманные новости данного агентства транслировали вполне реальные и авторитетные издания. Одним из самых громких фейков, запущенных FogNews, стало интервью с телеведущим Владимиром Познером о том, что он уезжает на ПМЖ во Францию. Это псевдоинтервью стало одним из наиболее обсуждаемых в российской блогосфере, его прокомментировали и официальные СМИ, например, «Новая газета» (««Познер» закрывается, «Малахов+» возвращается», № 127 от 09.11.2012). Деятельности РИА FogNews давали разные оценки, среди которых преобладали такие: «А агентство «FogNews», без сомнения, открыло золотую жилу. Оно, откликаясь на запросы блогосферы, придумывает фейки, которые трудно отличить от правды, талантливо пародируя саму реальность, производящую новости, которые как раз кажутся чистым фейком. Немудрено, что люди путают уже, где правда, а где фальшивка» [Петровская 2012: <http://>]. Несмотря на первоначальный успех, в 2015 г. FogNews на своем официальном сайте сделали такую пометку: «мы сменили формат, теперь только реальные новости в сатирическом ключе» (<http://fognews.ru/o-redakcii>), окончательно попрощавшись с деятельностью сознательного производства фейков.

Современная жизнь рождает новые (или обновленные) формы получения информации, нарушающие все нормы межличностной и массовой коммуникации. Мы имеем в виду «пранкерство», претендующее на статус расследовательской журналистики (по мнению самих «пранкеров»). Как показывает наше исследование, медийными персонами, лидерами мнений в сегодняшних СМИ могут являться провокаторы, которых цитируют журналисты:

На следующий день после конкурса пранкеры, еще вчера сами себе художники неизвестные, проснулись знаменитыми. Новостные программы Первого канала и «России» неутомимо цитировали розыгрыши НТВ в качестве разоблачения заговора Европы. Так на авансцену общественного сознания вырвались юные нечаевцы. Не самые яркие, не самые талантливые, не самые образованные молодые люди с лексическим запасом пэтэушников вершат социальную справедливость в эфире (Из материала Славы Тарошиной «Время провокаторов». Новая газета, 18.05.2016).

Некоторые редакционные коллективы создают свою систему знаков, с тем чтобы ранжировать надежность источников информации. Так, популярный сайт новостей «Медуза» довольно часто выносит на отдельную плашку не только прямое указание на источник информации, но и характеристику самого источника. Так, в материале «При крушении вертолета Ми-2 в Краснодарском крае погибли два человека» (Медуза, 07.08.2016) двойную помету надежности получает источник информации – РИА Новости. Итак, косвенная опосредованная информация образует обязательную часть журналистского медиатекста, присутствуя в ткани текста в виде хорошо отработанной системы отсылок к источникам информации. Современная медийная практика усложнила проблему достоверности и надежности как источников информации, так и циркулирующих в массмедиа текстов. Расширяется зона ответственности профессиональных журналистов перед своей аудиторией и возрастает необходимость корректной, грамотной работы с источниками информации.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV. – 896 с.
- Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи: де, дескать, мол // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437-449.
- Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: «Наука», 1990. – С. 157 – 170.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мина (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Закон РФ о средствах массовой информации (Закон о СМИ) от 27.12.1991 № 2124-1 [Электронный ресурс] / Действующая редакция от 24.11.2014. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/smi/>
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
- Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В.Б. Кашкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 5. – С. 12-18.
- Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России [Электронный ресурс] / Общественная коллегия по жалобам на прессу. – Режим доступа: <http://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty>
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92-104.
- Короченский, А.П. Кодекс журналистов Белгородчины [Электронный ресурс] / А.П. Короченский. – Белгород, 2007. – Режим доступа: <http://iourn.bsu.edu.ru/kodeks/text-2008.shtml>
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В.А. Успенский. Изд. 6-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
- Падучева Е.В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / <http://ruseram.ru>. На правах рукописи. – М., 2014.
- Петровская, И. Фейк про Познера расстроил Сеть: кто, если не он, мог бы так эффектно хлопнуть дверью? [Электронный ресурс] / И. Петровская // ЛЕНИЗДАТ.РУ. – 2012. – 09 ноября. – Режим доступа: <https://lenizdat.ru/articles/1108375/>
- Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
- Познин В.Ф. Современные СМИ: между правдой и вымыслом [Электронный ресурс] / В.Ф. Познин // Медиаскоп. – 2014. – Вып. № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/1513>
- Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. Высших учебных заведений / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с.
- Современный русский язык / Под ред. Л.Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
- Тенева Е.В. Эксплуатация авторитетов в публицистике / Е.В. Тенева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 3. – С. 248-255.
- Фабрика газетный «уток» [Электронный ресурс] // PlanetaSMI.ru. – 2013. – 07 августа. – Режим доступа: <http://planetasmi.ru/kontent/25765-fabrika-gazetnykh-utok>
- Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 600-632.
- Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – 45 с.
- Шмелева Т.В. Медийное речеведение: сборник статей // [http](http://)
- Anderson L.P. Evidentials, Paths of Change and mental maps: typologically regular asymmetries // Evidentiality, the Linguistic Coding of Epistemology in Language. – Norwood, N.Y.: Ablex from Chafe and Nicholas, ed., 1986.
- Palmer F.R. Mood and Modality. – Second edition. – Cambridge: University Press, 2001. – 236 p. (Пропозициональная модальность связана с отношением говорящего к достоверности или реальности пропозиции и подразделяется на эпистемическую и эвиденциальную модельность (с. 8).
- Willet Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12. – № 1. P. 51-97.